

ГВОЕОБРАЗЕН пейзаж на Северной Суматре. Шоссейная дорога уходит из Медана в глубь острова, к высокогорному и глубокому озеру Тобо. Это один из красивейших уголков Индонезии. Дорога змеится по узкому карнизу над высоким, почти отвесным обрывом. В центре черного, мрачноватого озера возвышается приземистое плато острова Самосира.

Но прежде чем попасть в уютный живописный городок Прапат, лучший суматранский курорт на берегу Тобо, нужно пересечь равнину восточного побережья. Это край крупного плантационного хозяйства. На десятки километров тянутся ровные шеренги деревьев-каучуконосов гевеи с белесыми стройными стволами или приземистых, толстоствольных масличных пальм с гроздьями красных плодов. Масличная пальма, какая-то шершавая, топорная, кажется слишком экзотической и ненатуральной, словно искусственное дерево в кадке. Из ее плодов вырабатывается технический жир. Каучуковые и пальмовые плантации сменяются плантациями табака, кофейных и шоколадных деревьев.

Табак — одна из первых плантационных культур Северной Суматры. Его называют делийским сортом по имени местного вассального султана Дели. Еще и сейчас в центре Медана стоит обшарпанный дворец бывшего султана, претенциозная и эклектическая стилизация. О делийских марионеточных султанах давно забыли, а делийский табак известен во всем мире. Он идет на изготовление сигар.

Впервые табак начали выращивать местные арабы около сотни лет назад. Голландские колонизаторы быстро сообразили, какие огромные прибыли может принести эта культура, пользующаяся высоким спросом в Европе. Вскоре голландцы заложили первую крупную плантацию Мартубунг. За голландцами, почуяв наживу, потянулись сюда англичане, немцы, американцы, бельгийцы, швейцарцы. Иностранцы монополисты стали вслед за табаком осваивать новые прибыльные культуры.

Крестьянские поля и деревушки стиснуты сейчас со всех сторон плантационными массивами. И хотя Северная Суматра не принадлежит к самым густонаселенным районам страны, крестьяне задыхаются здесь от нищеты и малоземелья. Получая концессии от голландских колониальных властей, плантаторы-монополисты повели фронтальное наступление в глубь прибрежной равнины. Они расчищали джунгли, а также не останавливались перед тем, чтобы всякими правдами и неправдами сгонять крестьян с земли.

Основная масса коренного населения Северной Суматры — батаков — была оттеснена в район центрального плоскогорья. Батаки — народ интересной, самобытной культуры. В их жизни еще большую роль играют пережитки древней общинно-родовой организации, обрядов, связанных с анимистическим культом. Официально часть батаков исповедует ислам, другая часть — христианство протестантского толка. Поэтому в одних деревнях можно увидеть купол мечети с полумесяцем, в других — церковный шпиль, увенчанный крестом. Непременным атрибутом христианских деревень являются также черные длиннорылые свиньи.

Сельское население равнинной части в основном состоит из пришлых яванцев. Это сельскохозяйственный пролетариат и крестьяне-бедняки. Густонаселенная Ява давно уже выплескивала пауперизированных крестьян. Эта голодная масса избыточной рабочей силы устремлялась во все концы архипелага в поисках заработка. Для плантаторов это был неисчерпаемый резерв дешевых рабочих рук.

Но плантации не могли поглотить весь этот приток голодных пришельцев с Явы. Росли семьи плантационных рабочих, и сыновья далеко не во всех случаях могли занять место отца где-нибудь на каучуковой или табачной плантации. Владельцы неуклонно стремились к так называемой рационализации, дающей возможность максимально сократить число рабочих. Лишняя рабочая сила — лишние хлопоты, дополнительный источник возможных волнений. Под термином «рационализация» понималось отнюдь не использование современной техники — рабочие руки индонезийцев стоили дешевле машин. Имелась в виду интенсификация труда, получение максимальных прибылей при наименьших издержках производства. Поэтому плантационный рабочий в любой момент мог потерять место и скудный заработок.

Массы безработных устремлялись в города и пополняли ряды городского пролетариата. Другие пытались возделывать клочок земли, используя любую пригодную для земледелия пустошь, полосу вдоль обочины дороги, заброшенный по каким-либо причинам плантационный участок. Нередко самовольный захват земельного участка, даже пустующего, приводил к острым конфликтам между земледельцами и плантаторами. Закон, разумеется, всегда был на стороне последних. И все-таки острая нужда, голод заставляли земледельцев вести упорную борьбу за землю, захватывать явочным порядком пустующие плантационные земли.

Оглянемся в прошлое и представим себе бедный поселок плантационных рабочих. Казарменное однообразие ветхих бараков из бамбуковой щепы, мечеть. В стороне от бараков чистенький особнячок с верандой — голландца-управляющего. А вокруг на многие километры тянутся шеренги гевеи и масличных пальм.

Начало сорок второго года. До кампунга доходят смутные слухи о том, что большая война докатилась и до Индонезийского архипелага. Где-то высадились японские войска. Японские самолеты бомбят города. Голландцам приходится туго. Они терпят одно поражение за другим, теряют остров за островом. Ожесточенный бой в Яванском море, и голландский

СУМАТРА

флот разгромлен. Высокопоставленные голландцы спешат удрать в Австралию или Индию. Кажется, японцы высадились уже в Медане.

Рабочие как-то равнодушно воспринимают события. Какая в конце концов разница, если на смену старым хозяевам придут новые. Японцы — так японцы. Лишь администратор-голландец чувствует себя неуютно. Он плотно закрывает ставни бунгало и проверяет прочность засовов. Он маленький человек, и теперь ему расплачиваться за все. Главный администратор, живший в Медане, вероятно, успел удрать в Британскую Индию. Перед отъездом он прокричал в телефонную трубку:

— Хэлло, Вилли! Мы расстаемся. Главное, не теряйте бодрость духа и не распускайте народ. Все будет хорошо!

Владельцы плантационной компании вместе со своим капиталом, небось, отсиживаются где-нибудь в Канаде. А он, маленький клерк, должен теперь до дна испить горькую чашу поражения.

Оккупировав богатые сырьевыми ресурсами страны Юго-Восточной Азии, Япония оказалась почти мировым монополистом каучука, получила в свои руки огромные массивы чайных, табачных, кофейных, пальмовых и иных плантаций. Но полностью использовать все эти богатства японский империализм не мог. Рынок Японии был слишком узок, покупательная способность населения низка, промышленный потенциал развит уродливо, однобоко, с явным преобладанием военных отраслей индустрии. Предприятия Японии не нуждались в таком количестве сырья, какое могла поставить оккупированная Юго-Восточная Азия. Прежде это сырье находило спрос на емких рынках Европы и Америки. Теперь мировая война нарушила традиционные экспортные связи. Следствием этих причин и явилась та грустная картина, которую мы могли наблюдать на одной из плантаций Северной Суматры. Картина, типичная для всей Индонезии в годы японской оккупации.

Голод толкал плантационных рабочих на отчаянные шаги. Кому-то пришла в голову мысль воспользоваться расчищенным участком земли. Голландец собирался высадить здесь молодые саженцы гевеи. Когда деревья достигали дряхлого возраста и уже не могли давать высококачественный сок, их вырубали и на раскорчеванном участке через некоторое время возобновлялись посадки. Сказано — сделано. Примеру инициатора последовали другие. Начался стихийный процесс захвата заброшенных плантационных земель и пустошей. Кое-где безземельные крестьяне и плантационные рабочие начали вырубать зрелые деревья и раскорчевывать участки.

Нельзя сказать, чтобы японские оккупационные власти поощряли самовольный захват плантационных земель. Однако они отнеслись к свершившемуся факту более или менее терпимо. Япония нуждалась в продовольствии. Нужно было кормить огромную армию, оккупировавшую Индонезию, сражавшуюся на фронтах Восточной Азии и тихоокеанского бассейна, обеспечить хотя бы полуголодным пайком трудовые батальоны и различные вспомогательные формирования из индонезийцев. Но оккупированная

ветливым. Дух времени был не тот, чтобы покрикивать и рукоприкладствовать. На бамбуковом шесте перед бараками развевался республиканский красно-белый флаг. Это индонезийцы набрались наглости провозгласить республику и, кажется, всерьез намерены бороться за ее существование. Пока придется смириться с тем, что жители кампунга самочинно захватили часть плантационных земель. Удалось бы сохранить то, что осталось. Он, Вилли, будет терпелив и еще дождет лучших времен.

Лучшие для Вилли времена так и не пришли. Индонезия отстояла свою независимость, а голландские интервенты вынуждены были навсегда покинуть архипелаг. В годы борьбы с интервентами безземельные крестьяне Суматры продолжали захватывать заброшенные плантационные земли. Позже власти и плантаторы пытались согнать крестьян с захваченных ими участков. В некоторых случаях это удавалось. Но основная часть земли осталась в руках земледельцев, и власти молчаливо признали стихийную экспроприацию.

В конце 50-х годов всю страну охватило массовое движение за национализацию голландских предприятий. Зашевелился, заклокотал кампунг. Профсоюзные активисты ораторствовали, собирая толпу. Он, Вилли, до сих пор как-то не принимал всерьез этих горлопанов. Иногда руководители профсоюза приходили к администратору и требовали повышения заработной платы. Рупия непрерывно обесценивалась, и через несколько месяцев на тот заработок, который получал сегодня рабочий, уже ничего нельзя было купить. Вилли растерянно улыбался и разводил руками. Он только служащий, маленький человек и не решает такие сложные вопросы. Со своей стороны он готов передать требования рабочих хозяевам в Амстердам. Профсоюз грозил забастовкой. Вилли отчетливо представлял себе, какой убыток понесет компания, если люди не выйдут на плантацию, не погрузят вовремя на вагонетки бидоны с латексом, а фабрика по переработке каучука будет простаивать. Голландец, сдерживая ярость, сдавался и писал в Амстердам объяснительную записку. Главное — уметь не горячиться и выжидать.

ЗАДЫХАЕТСЯ

Л. ДЕМИН

страна не могла удовлетворить все эти потребности в продовольствии. Прежние колонизаторы развивали в Индонезии преимущественно производство прибыльных плантационных культур. В сельские местности в поисках пищи и заработка хлынула теперь часть городского населения. Это были рабочие закрывшихся предприятий, разорившиеся ремесленники.

Пусть вместо нерентабельных плантационных культур крестьяне выращивают рис или овощи. К такому выводу пришла японская военная администрация. Ведь каждое крестьянское хозяйство облагается тяжелыми поборами в пользу оккупационной армии.

Вилли, постаревший и осунувшийся, с рыжей щетиной бородой, вернулся в кампунг из лагеря и снова водворился в бунгало. Теперь это был не прежний крикливый Вилли. Годы лагерной жизни и последние события кое-чему научили его. Он не пытался, как прежде, покрикивать и пускать в ход кулаки, даже пробовал казаться добродушным и при-

лучше потерять немного, чем все. Времена не прежние, когда он мог выгнать крестьянина на все четыре стороны.

На этот раз рабочие долго митинговали и выдвинули делегацию во главе с секретарем местной профсоюзной организации. Делегация явилась к голландцу. Секретарь протянул ему исписанный неровным почерком лист бумаги и твердо сказал:

— Это наш рабочий ультиматум. Мы устанавливаем рабочий контроль на плантации. Мастер должен подчиниться контролю и не самовольничать.

Вилли стерпел и эту неслыханную дерзость. А вскоре провинциальные власти прислали представителя уполномоченного в чине армейского капитана. Опираясь на массовое рабочее движение, а часто и под прямым давлением масс, требовавших национализации голландских предприятий, правительство Республики Индонезии посело наступление на позиции прежних колониальных хозяев. Впрочем, эта самостоятельная инициатива, активность профсоюзов,

рабочий контроль казались представителям властей оласнее волшебного джина, выпущенного из бутылки. Джина следовало загнать обратно. Вот почему власти спешили направлять своих уполномоченных и директоров, пусть малоопытных и некомпетентных, зато людей твердой руки. Среди них оказалось немало кадровых военных.

Капитан более или менее поладил с Вилли и даже пил с ним ром. Все-таки надо отдать справедливость, голландец имел немалый практический опыт и знал плантационное хозяйство как свои пять пальцев. Познания офицера в области агрономии были самыми смутными. Он занимался прежде протокольными и снабженческими делами. Поэтому и приходилось ценить до поры до времени услуги голландца. Вилли, в свою очередь, проникся уважением к капитану после того, как он осадил профсоюзного секретаря. Рабочие послали его с петицией, требовавшей очередного повышения заработной платы. Офицер прочитал петицию и ответил:

— Твои люди, очевидно, забыли, что хозяева теперь — они, а не голландцы. Республика еще слишком бедна, чтобы накормить всех досыта. Я не потерплю таких вот бумажек и тем более забастовок. Вы что же, идете против своей республики? Работайте как работали и не вынуждайте меня принимать крайние меры.

Профсоюзный секретарь был любознательным человеком. Какие меры имеет в виду капитан? Офицер хлопнул ладонью по кобуре пистолета и намекнул, что для него не составило бы никакой проблемы вызвать из Медана взвод военной полиции. Секретарь почему-то вспомнил японского офицера, размахивающего кривым клинком перед толпой.

Когда плантация была официально национализирована, Вилли собрал свои пожитки и уехал в Голландию. Он накопил достаточно гульденов, чтобы купить небольшой домик на низменной равнине и разводить тюльпаны. Если бы он этого не сделал, не думал бы о своем завтрашнем дне и не обсчитывал бы индонезийских рабочих, ему бы пришлось теперь завербоваться в Суринам или на Кюрасао. Еще остались где-то в Латинской Америке эти жалкие осколки голландской колониальной империи.

Капитан знал толк в военной амуниции, но не имел ни малейшего представления о сортности латекса. Он не был уверен, что завтра его не перебросят на оловянный рудник, в банк или куда-нибудь еще. Поэтому и не имело смысла углубляться в агрономию и технологию. Нужно было, не теряя попусту времени, позаботиться о благе собственном и своих ближних. Из них, этих самых ближних друзей и родственников, он составил административный аппарат. Его три заместителя, помощники, секретари не совсем четко представляли себе свои служебные обязанности, но получали заработную плату, и немалую. Свой человек сидел и на фабрике по переработке каучука. Вся эта предприимчивая компания спускала часть каучука-сырца налево, богатому меданскому дельцу Го, перебившему по тактическим соображениям это китайское имя на Сулеймана. Этот Го-Сулейман был тем самым китайцем, который ухитрялся ладить и с японскими оккупантами и одно время управлял плантацией. Теперь он вел образ жизни разбойника с большой дороги, и этой большой дорогой, на которой он разбойничал, был Малаккский пролив. Го-Сулейман промышлял контрабандой, сбывая сингапурским дельцам ворованный суматранский каучук. У него были связи с высокоставленными лицами по обе стороны пролива, и он знал, кого следует отблагодарить, чтобы власти сквозь пальцы смотрели на его проделки.

Для правительства Республики Индонезии плантация, как, впрочем, и другие национализированные предприятия, становилась все менее и менее прибыльной. Насаждения гевеи давно не обновлялись. Узкоколейный транспорт и фабрика изнашивались. Правительство не выделяло средств, чтобы заменить старое оборудование, осуществить новые посадки. Сортность каучука падала, и иностранные импортеры уже не так охотно покупали его.

Правительство «нового порядка» подвело однажды неутешительные итоги. Производство плантационных культур сокращается, сокращаются и экспортные доходы государства. Где же выход? Не лучше ли снять с себя лишнюю заботу и вернуть некоторые плантации прежним владельцам? Начинается процесс частичной денационализации. Крупнейшие каучуковые плантации Северной Суматры, принадлежавшие прежде американской компании «Гудьир», уже возвращены старым хозяевам. Вновь на обочине шоссе появились гудьировские рекламные щиты с автомобильными шинами.

Отца «нового порядка» пришла в голову и другая рациональная идея. А на каком, собственно говоря, основании крестьяне захватили плантационные земли и снимают урожай? По какому праву? Кто позволил нарушать незыблемые основы собственности? Ведь если эти земли будут возвращены плантационным компаниям, производство каучука, табака, пальмового масла увеличится, государство получит дополнительные экспортные доходы. Ведь речь идет не о каких-то там жалких полях, а о многих десятках тысяч гектаров плодороднейшей земли. За счет каких источников жить крестьянам, лишенным земли? Это уже второстепенная деталь. Какое значение в общеиндонезийских масштабах могут иметь еще несколько десятков тысяч голодных ртов?

И вот рациональная идея начинает претворяться в жизнь. Крестьян сгоняют с земли, лишают крова — ведь жилища тоже не по праву стоят на плантационных участках. Иногда крестьяне не успевают даже убрать долгожданный урожай. Бульдозеры уничтожают посевы. Провинциальные власти издают суровые приказы и циркуляры, запрещающие местному населению впредь обрабатывать плантационные земли и снимать с них урожай. Предусматриваются и строгие кары для нарушителей приказов и циркуляров.

По всей восточной равнинной части Северной Суматры разыгрываются трагедии. В одной из деревень крестьяне пытались бороться за землю и отказались выполнить приказ властей. В деревню прибыл отряд военной полиции во главе с лейтенантом, чтобы силой заставить крестьян покинуть наделы. Доведенные до отчаяния земледельцы сказали сопротивление, спешно вооружаясь палками, заступами, мотыгами. Завязалась схватка. Кто-то нанес смертельный удар лейтенанту полевой киркой. Последовали жестокие репрессии.

В другом районе власти распорядились уничтожить с помощью бульдозеров крестьянские посевы и сровнять с землей жилища. Командующий северосуматранским военным округом Букит-Барисан бригадный генерал Сарво Эдди давал обещания плантаторам покончить с самовольными захватами земли и грозил принять самые суровые меры в случае неповиновения властям.

Вот еще одна трагедия. В деревне Келамбир-Лама крестьяне получили приказ покинуть земли, на которые претендовала плантационная компания. Крестьяне пытались оспаривать решение властей, посылали ходяков в провинциальный центр. Они доказывали, что вот уже много лет обрабатывают свои наделы

и вложили немало сил, чтобы получить скудный урожай риса. У них нет других средств существования, кроме этих маленьких клочков земли.

Власти направили в Келамбир-Лама отряд военной полиции, чтобы помешать земледельцам собрать их же урожай. Крестьяне попытались оказать сопротивление. Полицейские открыли по толпе ружейный огонь. Один крестьянин был убит, восемь человек арестовано. Их объявили зачинщиками беспорядков. Газета Национальной партии «Сулук мархаэн» сообщила, что похороны убитого крестьянина вылились в демонстрацию, в которой приняли участие до тысячи человек. Власти оправдывали действия карателей, которые-де преследовали единственную цель — навести порядок и установить справедливость.

Прошел примерно год со дня кровавых событий в Келамбир-Лама. Крестьяне бедствовали и голодали, не получив взамен отобранных участков никакой земельной компенсации. В таком бедственном положении оказалось до 80 тысяч земледельцев. Провинциальные власти, руководствуясь решением губернатора от 10 июля 1968 года, отобрали у крестьян 59 тысяч гектаров, дававших хотя и скудное, но все же пропитание.

Крестьяне снарядили в столицу делегацию ходяков, не без труда собрав им денег на дорогу. Хо-

доки, Афнави Нух и Ашари, прибыли в Джакарту с намерением встретиться с высшими государственными руководителями и просить у них помощи и защиты. Они заявили корреспонденту агентства АНТАРА, что министр внутренних дел выступил с обращением к крестьянам Северной Суматры и призвал их подчиниться распоряжению провинциальных властей, которые предоставят земледельцам другие наделы.

Добьются ли ходяки правды и с чем вернутся на Северную Суматру?

В некоторых районах власти все же признали за крестьянами право на часть прежних плантационных земель, которые фактически обрабатывались земледельцами вот уже многие годы. Это было сделано несколько своеобразно. Власти объявили, что распределяют в рамках земельной реформы некоторую долю земельной собственности плантаторов. Кто утверждает, что реформа не проводится? Крестьяне как бы получали в собственность пахотные угодья, принадлежавшие им более двух десятилетий. Да и речь шла о тех землях, в которых плантаторы по каким-либо причинам не были заинтересованы. Один мой собеседник, общественный деятель метко охарактеризовал эту псевдореформу как игру, рассчитанную на доверчивого читателя газет.

Семья индонезийского крестьянина.

